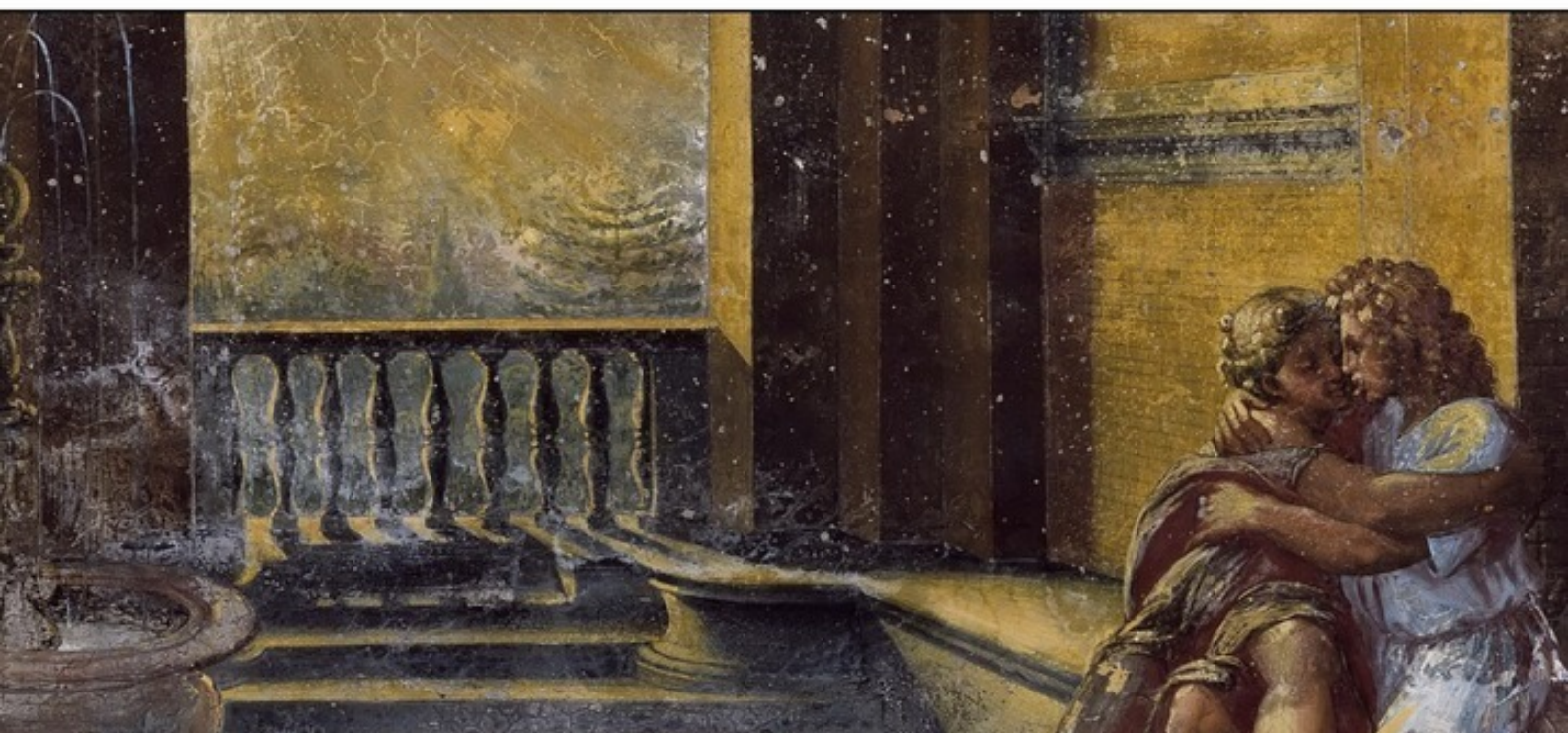

Сергей Моторин

*Генерал
вытегорских
карьер*

Собрание сочинений

Сергей Моторин

**Генерал вытегорских
карьеров. Собрание сочинений**

«Издательские решения»

Моторин С.

Генерал вытегорских карьеров. Собрание сочинений /
С. Моторин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900593-9

Здесь 6 моих книг: «Мечь генерала вытегорских карьеров», «Любовь генерала вытегорских карьеров», «Плач о Клюеве генерала вытегорских карьеров», «Детские и юношеские сны генерала вытегорских карьеров», «Война барда-генерала вытегорских карьеров», «Рок-н-рол генерала вытегорских карьеров». Темы книг — военная, детские, роман криминальный, лирика, романсы, песни, стихи, баллады, духовность, частушки, анекдоты мои, афоризмы мои, притчи, тост, фельетоны, рассказы, приколы и т. д.

ISBN 978-5-44-900593-9

© Моторин С.
© Издательские решения

Генерал вытегорских карьеров Собрание сочинений

Сергей Моторин

© Сергей Моторин, 2017

ISBN 978-5-4490-0593-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родился в 1955 году в г. Вытегра Вологодской области.

Поменял почти 100 профессий, пенсионер.

Помог в возрождении

творчества поэта-земляка Н. А. Клюева, Есенина, Рубцова, Мандельштама, Ахматовой,

Вавилова и т. д.

1987 год – один из основателей первого музея Клюева в с. Коштуги

1988 год – один из основателей спасения церкви в с. Макачёво, около неё покоятся родители поэта Клюева Н. А.

1989 -1992 г.г. – основатель и председатель православной общины г. Вытегра

Член Российского Авторского общества (Москва)

Член общества «Радуница» – Есенин (Москва)

Член общества «Песнослов» – Клюев (Спб)

Член литобъединения «Парастки» Петриков.

Член литобъединения «Бумеранг» Калининвичи

Член литобъединения «Онего» Вытегра

1 место – конкурс Афганской песни Вытегра

1 место – лучшая короткая проза о любви г. Гомель газета «Из рук в руки»

ТВ, радио, пресса СНГ – публикации ...3000, благотворительные концерты...300 раз.

Радио России «Взгляд из Петербурга» режиссер Кавин, «Русский шансон» – Полевая почта Афганвета Спб» – режиссер Никулин, радио Калининчи режиссер Пырко, радио «Маяк « Для тех, кто в море» -режиссер Горшков.

ТВ «Сегоднячко-Питер» сочинил романс в прямом эфире за 4 минуты 6 куплетов, ТВ Вологда, Москва, Гомель, Ленинград «Телекурьер» с сыном Есенина, «Информ-ТВ», статист Лефильма, снялся с А. Демьяненко в фильме «История про Ричарда, Милорда и Прекрасную Жар-птицу» -режиссер Ахвледиани.

Темы творчества – военная, лирика, природа, романы, романсы, песни, колыбельные, детские, частушки, анекдоты свои, афоризмы, притчи свои, фельетоны, статьи, рекламные тексты, фото и т. д.

Бард-любитель универсал, прозаик —любитель -универсал, первый в мире переводчик Ключева на бел. яз., рекламный текстовик, путешественник, моё видео, аудио, фото в интернете.

Считаю, что Творчество – это переполненное Сердце, которое выплескивает волны пережитого на чистый лист.

Месть генерала вытегорских карьеров (криминальный роман)

(все события и фамилии в романе случайны)

Сергей спускался по трапу самолета немецкой авиакомпании в Шереметьево-2. Сколько лет прошло после внезапного отлета из России? Перестройки, путчи, афганско-чеченский кошмар, а березки всё те же, по-есенински стынут на ветру.

Захотелось бросить чемодан и поцеловать родную землю. Ожидая машину, приник к старой березе, которая больно кольнула чагой.

– Родная моя! – успел шепнуть усталый перелетом и разлукой мозг.

Подъезжал полуживой «жигуленок», из которого доносилась рок-музыка давнего пошива. Молодой человек по дешевке предложил подкинуть до стольного града. Сергей сел в машину с остальными пассажирами, жадно вслушиваясь в родную речь.

Под городские сплетни в дороге добрался до Марьиной рощи на улицу Шереметьевскую. На дверях родного подъезда все так же красовались хулиганские слова, пахло свежими щами, сырым подвалом, но это не раздражало, как в былые времена.

Позвонил по условному телефону, что «телевизор» отремонтировали, работает без сбоев, хотя «телевизором» был он сам.

Пошатался по квартире, осмотрелся, как и много лет назад, со стены на фото грустно смотрела любимая Елена, его действительно настоящая первая и последняя любовь.

– Еленушка! Онежская ты моя! Неужели через несколько часов будем вместе? Мы никогда не расстанемся, слышишь?

Сергей прильнул к фотографии губами, ощущая ее тепло, сердце сходило с ума от радости и разлуки.

– Да, да, мы никогда не расстанемся! Всё, никаких спецзаданий, работа – хоть сторожить, хоть дворничать, покой и любовь! – мечтал Сергей с легкой грустью о несбыточном пока советском покое.

На кухне около банки с кофе увидел свое фото со следами помады на ней. На обороте фото была надпись: «Дождусь! Твоя навсегда! Лена».

От прилива скорой встречи, от волнения, от проклятых черных лет на чужбине Сережа плакал, читал вслух свои стихи, готовил ужин.

Еле дождался звонка в дверь. Дверь распахнулась, дождь разлуки кончился, поцелуй длился целую вечность. Забыли обо всем. Онежской волной захлестнуло ночь, ноябрь плакал от радости за окном, два сердца рвались навстречу друг к другу всеми силами, тень погасших звезд превратилась в теплый домашний волнующий ветер, два ожидания слились в звуки счастья, которое влюбленные всегда называли онежским, ведь Онежское озеро – родина Сережи, его мечта о светлой чистой любви наконец-то сбылась! Сколько фальшивых дорог, ненужных встреч ведет к настоящему!

– Всё, никаких разлук! – шептала счастливая Ленушка, целуя руки Сергея. – Никогда! Наконец-то ты мой, единственный, желанный, нежный, божественный Сереженька!

Она уснула на его левом плече, выюгой волос заслонила Сереже вид в окно и весь мир был для него сейчас в этой выюге. Лена лежала беззаботная, счастливая, онежская, отдав давным давно Сереже сердце, тело и душу.

Лились Сережины слезы счастья, он их не стеснялся, взволнованное сердце выстукивало романс их любви. Долгожданное счастье полностью расслабило его, превратив в ребенка, наивно глядящего в эту ночь в жестокую жизнь и тихую славу незримых побед, на мировые весы со злом, которые будут качаться, пока существует Вселенная.

Рассвет облизывал город, его посланцы – светоносцы ревностно забирались под кровать, бежали по раскиданной одежде на полу, по холодному ужину, смятому полотенцу, упавшим чашкам из-под кофе, по нежности, которой наполнилась комната за эту ночь.

Господи! Так бы лежать и не вставать никогда, только любить, любить и любить! Нежность бесконечна, нежность любимых бесконечна в миллионы раз!!! Радуги снов влюбленных – это редчайший жемчуг настоящего чувства!

Что же такое любовь? Большею частью переплетена с одиночеством, превращением влюбленных в его Величество Ожидание, в бессонные ночи и дни, фантазии о скорой встрече, выбегание из уходящего вагона в последнюю секунду, когда нужно уезжать и остаться, остаться в этой безумной Стране Чувств, ревности, забыты, в шепоте телефонных проводов, сгорающих от услышанного в морозном дремучем лесу – этих незримых свидетелей любви! Любовь это всегда надорванное сердце, все равно, от радости или разлуки, столкновение и нежность двух ангелов любимых сердец, сломанные стрелы страстных снов, встречи на чердаке и на снегу, на голой земле в ревнивой траве, в шуршащих кустах, в старых листьях, в тающих облаках и выюги, выюги, выюги встреч!

Да будет свет, да будет Любовь, как Солнце и Луна, лучшее в наших душах связано с любовью, с лаской рук на усталых плечах, невесомость любимой головушки на плече во сне, дрожание губ на рассвете!

Разудалые годы, драки, синяки, выбитые стекла, милиция, пьянство, жестокое избиение соперников – это Любовь!

Драма небес в непонимании того, что любимые не должны разлучаться, как день и ночь, как роса входит в лучи солнца без оглядки, так любовь не должна знать препятствий, а они, эти трудности, если не издевательства над сердцами, губят души, и только кто любит сильно, без-

оглядно и самоотверженно, тот заслуживает любви, все остальное – притворство, ложь и забвение в веках!

Трагедия людей, не любящих друг друга при совместной жизни – в трусости, в боязни начать все сначала, боязнь одиночества.

Там, где небольшой обман, там кончается и небольшая любовь.

Вино встреч Сережи и Елены – это онежская волна, спираль радуг, уходящих в небо, трон из жемчуга на дне Онежского озера, чайки, белыми брызгами украшающие воздух, ночи и дни, сотканные из слов:

«Ты мой?» – «Твой!» – «А ты моя?» – «Твоя, любимый Сереженька!»

Жестокость рассвета рассеивает радость ночи. Сергей думал о жизни, о любимой, которая еще не проснулась, о ее слабом сердце, которое нельзя волновать, родная, она даже не догадывается, что ему пришлось пережить за эти годы... И слава Богу, если он есть...

Курсы спецслужб за границей – это не совковый полигон с пьяными инструкторами, у которых желания только ниже пояса, да как что продать с военного склада.

– Милый, ау! – прервала мысли Сергея сияющая рассветом любимая. Он приобнял Еленушку, поцеловал ее голодные губы, все дела к чертям собачьим, есть только мы, если бы были на улице, снег точно бы растаял в округе!

Любовь- это колокол, стронь легонечко сердечко, зазвенит, встрепенет спящую тройку, а в это время колокол настоящий забил в церкви «Нечаянная радость».

Пролетело несколько дней, пьяных от радости, кончились отгулы, которые Елена накопила за осень.

Зазвонил телефон, спросили Сергея, разговор был о «суперновом» телевизоре, разговор был условный, назначили встречу у метро ВДНХ.

– Прости, Ленуш, вернусь, думаю, поздновато, дело срочное, приготовь ужин и спи, я тебя разбуду, ладно, если ты не против? – пытался отшутиться Сергей, вздыхая о быстро пролетевших онежской чайкой днях, нет, пора с этим кончать, какая это жизнь, вечная разлука!

Расставались долго и бесстыдно. Кто гадал – думал, что Сергей ночью уже будет в Питере, такова жизнь!

Московский вокзал, трамвай по Лиговке в сторону Обводного канала, вшивая коммуналка, вот тебе и спецзадание, ё-маё!

Соседям представился приезжим писателем и бардом, мол, сочиняю, поближе к народной жизни хочется. Ладно, хрен с ним, не до этого! Как подбраться к Замку (кликуха же, надо сказать), где ключик золотой?

Замок – мафиози действительно был под замком, за ним шла слава по всему миру, а не только по Руси – матушке.

Злорадствовал, узнав, что Кобчак во Франции, мешал ему развернуться в области, судьба выборов – тоже Замок, везде были его люди, особенно среди Законодательного собрания, близится трехсотлетие Санкт – Петербурга, и здесь Замок уже расставил свои капканы. Тут еще убийство Наровойтовой! Поспешили, денег мало, квартир, девочек, Канар всяких!

Посты Замок всегда занимал замом и только замом, меньше на виду, ждал и ждет момента, чтоб сразу всю власть, да с Эрмитажного балкона покрасоваться на Дворцовую, на быдло свое посмотреть, иначе он народ и не называл про себя.

Затея с падением рубля – тоже его изобретение, ребятки в Москве пока чухались, он бабки сделал, приближенные президента его идею не поняли, ну он и включил машину на полный оборот!

По природе своей Замок был охотник, но... за людьми. Нравилось ему вносить в Питер беспорядок! Хобби? Да, и ещё какое! Причина ненависти к людям – его половое бессилие!

«Импотент! Импотент! – кричали его жены, любовницы, даже девочки по вызову и те уходили с ухмылкой, бывало, что ухмылка стоила им жизни.

Верил Замок в медицину, что вот, наконец-то придумают средство и будет он полноценным гражданином полноценной страны.

Сергей шел по Невскому проспекту с гитарой, приглядываясь к «теплой» и «холодной» трубе – это переходы под Невским напротив Гостинки.

Гармонисты, трубачи, танцоры, певцы, выброшенные коммерческим временем на улицу, нынче не кажут носа – мороз под пятнадцать со сквознячком с Невы! Пахло туалетом, сыростью, бомжи драку затеяли из-за места для попрошайничья, на них никто внимания не обращал, даже милиция – только клопов не хватало в кабинетах!

Ну ладно, сумку на асфальт, гитара расчехлена, начнем с «Афгана», сумка зазвенела мелочью, иногда какая-то бумажка прилетит, молодежь обкуренная смотрит полусумашедшими равнодушными глазами, идет торговля наркотой, вот один из «радушных» зрителей бросил в сумку шприц с остатком дозы, злобно захохотал и залез пьяной подружке под юбку грязной исколотой татуировкой рукой.

Под это музыкально-блеводное шоу и подошел к Сереге низенький мужичок в шикарной одежке, с бегающими масляными шарами-глазами, с кейсом в руках.

– Это тебе на чайк-с! – прокуреным голосом просипел толстячок.

– Не стой здесь, простудишься!

Сергей глянул в сумку. Вот это да! Сто зеленых! Ни фига себе!

– Эй, эй! Постойте! – закричал вслед тающему в питерском табачном дыму добродетелю Сергей. Догнал толстяка и вручил ему свои часы «Монтана».

– А это Вам на память от меня Правда, немного барахлят, музыку гоняют, когда вздумают, а так ничего еще, поживут! Окей?

– Окей! – промычал толстяк и направился наверх из перехода к Гостинному Двору.

– Живут же люди! – думал про себя Серега по дороге домой. – Тут пашешь, прикидываешься хрен знает кем, а какие-то зелеными бросаются! Родина моя! Ты сошла с ума! – вспомнились слова убитого Талькова.

Зачем я продолжаю играть в шпионов, ловить всякую шваль земную, когда за эти же гроши в Гостинке можно охранником прогуляться с утра до вечера по коридорам, с бабами побалакать, торговля, презентации, знаменитости там разные, стихи бы им почитывал, по попке поглаживая очередную бабелю, как бывало по молодости, в «Асторию» в кабак сходить, стриптизом глазки оживить. От усталости завсегда в человеке пещерное пробуждается, зверье мы – просто в пиджаках да в юбках!

Родина! Чья ты и что ты теперь? Сколько тебя р... будут ста-

вить? А? Оттерпишься, лягнешь копытом, успокоишься и по новой уже другим за подставляешь! А сыны твои и дочки-матери? А ветераны? За что в войны все полегло столько народу? А сейчас? Отстрел депутатов, предпринимателей, друг друга! Талькова убрали и концы в воду! Бермудский треугольник- «Юбилейный», Князь-Владимирский собо и суд на Съезжинской – ответ на песни Игоря! Похоронили, а вернее, спрятали за колумбарием на Ваганьковском кладбище вместе со Львом Яшиным, могилы громят, ДОКОЛЕ???

Церковь? Сергей по молодости был основателем и председателем православной общины города Вытегра Вологодской области, приезжал в город N просить благословения на открытие общины, а батюшка в соборе и гуторит ему: «Давай бумажку!» – «Какую?» – не врубился Сергей. Потом догадался, вытащил последний смятый трояк. – «Мало даешь!» – сказал святоша и не повернувшись к Сергею, покрестил куда-то в сторону. Вышел Сережа ошалевший во двор, задумался, стал приглядываться к отцам в быту, да и к писателям тоже, эх ма, и там всё не так, как надо, Володя Высоцкий это отметил в песне, достали, видно, мужика! Неужто и в церкви

есть проходимцы? Со временем убедился в своих догадках, да еще как! И ворьё, и жульё, и стукачество. Что-то здесь не того!

– Россия, Русь, храни себя, храни- пропел Рубцов, задушенный в Вологде в крещенские морозы, а так и хочется подумать:” Хорони!» Копают Родине яму, ох и глубокою, сколько еще отпеваний невинно убиенных ждет?

Россия- как дойная корова, уже и доить-то нечего, а народ живет, пьет, верит в черное будущее, кто хочет работать, тех на прицел, на корню души рубят, В Питере аж пять Союзов писателей, вступишь в один, остальные скажут- это Враг! Скучно, ребята, скучно и мерзко!

Классиков, писателей серебрянного века перекопали снизу доверху, кто где кашлянул, кто с кем спал, кто со свечкой стоял, – дорогие литераторы все знают, это их хлеб, в кустах-квартирах труды пишут великие, бессмертные, да народ наш не до конца одевилен, не берет книжонки в лавках, чует, видно, народ-то?

Вот так Сережа рассуждал за ужином в тьму-тараканной квартире. За стенкой сосед трахал соседку, зачем только стенки, все до мелочей слышно, как в кино сидишь, все коммунальное, общее- он ее и Сереге предлагал на ночь за поллитру. Эфиопия какая-то, не страна! Еще бы бой барабанов и джунгли за окном, никакой разницы, а ведь это центр аж самого Петербурга! Лиговка! Метро”Лиговская» – Эльдorado для бомжей, проституток, сутенеров, братвы, пехоты и мафии! Не метро-ка-кая-то сука подзаборная! Тут можешь лицезреть боевые искусства, пьяную затасканную бабу в летах без трусов с задранной юбкой, мальчика, ждущего, когда дяденьки кончат пить пиво, чтобы взять пустую тару.

Дамочки в ларьках мечтают о принцах, мало кто из них не изменяет своим мужьям, все перевернулось, мужья дома сидят, бабы за мужиков вкальвают, видите ли, неудобно с газетами стоять в переходах, у него же высшее образование, белая кость, так сказать, да только кушать хочется всегда, так что мужинек и не спрашивай, что твоя разлюбезная пахнет чужим мужиком!

Сергей познакомился с соседом, Николаем Сергеевичем, он без ног уже шесть лет, потерял их по вине врачей, нужно было пальцы отрезать, время прозевали, вот и оттяпали выше колена, так как пошло заражение. Жена его Таисия- инвалид второй группы, ноги раздуло, как бревна, нервы ни к черту, четвертый этаж без лифта, квартиры не дают отдельной, вот инвалиды друг за дружкой и смотрят, интересная страна!

Коммуналка затоплена была шесть раз, всем плевать, смотри, Серега, гниет Русь- говаривал Сергеевич.

Разговорились как-то вечерком за пивком, за гитарой.

– Слышь, Серый, – говорит Сергеевич.– Читал тут на днях прессу, фамилия знакомая встрелась, неужто эта сука во власть пролезла, прохиндей первого сорта, по молодости сиживали мы с ним в Архангельской губернии на лесоповале, вместе и откинулись по хатам. Ой, сучара, стукачок непроученный! Ты смотри, депутатам-то как помогает и все одни и те же каждый раз! Только сдается мне, не случайно все это. Сергуня, ты парень грамотный, воно песни поешь, да на фоне Чечни кажут, потелевидению России пел про Русь, тебя-то не могут, как Талькова, ты-то тоже гусей дразнишь, они, братец ты мой, на это дело мастера, я-то знаю! Ты уж, Серый, поосторожнее, поласковее, да что я говорю, не огорчайся – ты не тот, наш парень, российский! Так и давай! Давай-ка еще по одной, да за то. чтоб под этой сукой земля горела!

Выпили, разговелись, надо сказать. неплохо, про политику, про баб погупотрили, пока Таисия на кухне управлялась, поохотали о подвигах своих по женскому полу.

– Дак я чё, Серый, – захмелел Сергеевич.– дак я про эту суку, на зоне он ксиву купил еще до откидняка, фамилию сменил, под чужой живет, ей Богу, под чужой! И фото его на первой странице вместе с делегацией из Америки! Во! Газета что, шлеп снимок и всё, а память-то людская, э- кхе- кхе, ее об пол не разобьёшь с пол-оборота! Секёшь, Сергуха?

Сергея и вправду «сек», нарезался вдрабадан водки с пивом, вот тебе и разведчик, так что-то смутно осталось про мужика с ксивой в памяти после того коммунального вечера.

Братва сама побаивалась Замка, никто не знал, что будет завтра вытворять этот доморощенный английский барон с российским гражданством. Этот аристократ уже заплатил за титул пожизненного членства в Обществе владельцев поместий. Замок уже участвовал в Оксфордских светских раутах, пивал чаёк в Букингемском и Вестминстерских дворцах, на чаепитии присутствует королева и премьер-министр. Тридцать тысяч зеленых – и вся проблема!

Шотландский барон! Замок был вне себя от счастья! По пьянке чуть не загнал по дешевке крейсер «Аврора», уже все бумаги были готовы, но встрепенулся в последний момент, поболся общественного мнения, хотя в одну ночь можно было все проверить, как с Сашкой Пушкиным, пока народ спал, на лошадку в саночки и тю-тю!

Особенно преуспел Замок по части издательств. Имея связи за границей, выпускал точные дубли наиболее популярных изданий, вагонами их тиражировал и продавал по меньшей цене, чем рыночная стоимость, все было на мази, обложки супер и так далее.

Неугодных и несогласных просто отстреливал, люди исчезали через частный морг, устроенный Замком под Питером, так что пословица:

«Ищи ветра в поле!» по Замку переименовалась в «Ищи трупы в поле!», чем он был премного доволен, часто напевая про себя эту поговорочку.

Любил Замок в церквушки захаживать разных исповеданий, любопытно было ему всё, заупокойные свечи всегда ставил после очередной «Недельки» и заказывал поминание годовое, баксов не жалел на эти дела, крест носил тяжелый, золотой, с колючками по краям, с гравировкой «Многая лета!», митрополита благословение принял на благотворительные дела, да его нет уже давно, и уход его покрыт тайной, проклял его видно, он на том свете, беспокойно Замку последнее время, флажки красные чует, облаву на него, последние убийства Фаневича, Наровойтовой и других чуть не выдали его с потрохами.

На похоронах Наровойтовой на Никольском кладбище Лавры крест у него с цепочки сошел и в трусах застрял, исколол всё место блудное, а доставать неудобняк, пальто длинное, новорусское. Галочке царство небесное! С характером была баба, да мешала много! Тут еще этот «Антикриминальный комитет» с Кивулиным, шерстить стали всех, связи копать, гебешники гребанные! Скольких кормил и МВД, все мало!

Сергея мотался по школам, воинским частям, презентациям, кабаки и кабачки, ночные клубы, случайные квартиры у старых и «новых» русских. Гитара кипела, рвутся струны и душа, а выйти на Замка не удастся, где он, кто он?

Судьба вывела его на могилу Виктора Цоя на Богословском кладбище, спел ребятам- поклонникам Виктора свою песню памяти Цоя:

Из кочегарок выходят певцы
и погибают, дождавшись цветов,
вновь улыбнулись вокруг подлецы,
звездой обманув наших отцов.

В топке сердечной рождалась строка,
в топке сердечной боль жизненных мук,
только девчонки святая рука
в топке волнует угли разлук.

Всю жизнь долбим души во льду,
нервы, как искры, сгорают дотла,
из кочегарок душевных уйду,

если до сердца успеет игла.

Через дорогу от Цоя метров тридцать вглубь кладбища похоронена несколько лет назад племянница Ключева, дочь его брата Петра – Голубова. Сергей сам и нёс её гроб, то есть переднее основание гроба на голове, так как пройти между могилами было затруднительно, впился гвоздь от гроба в голову Сергею, остался шрам-память от тетушки, а еще Сергей считается поэту Ключеву внучатым племянником, если верить бабушке Вере, которая родом из Щекино Вытегорского района, видела Онего на берегу Тудозера, ее описание совпало с фотографией Ключева в те годы, о том гуторил и Насонков Володя, родня сестре Ключева- Расщепериной, а Серега- родня Насонковым, в-общем, седьмая вода на киселе, а всеж приятно.

В компанию, слышав песню, подсел старичок-бомжачок, опрокинул предложенную рюмашку за Цоя, занюхал рукавом, хотя закусон имелся на газете, лежавшей на земле и служащей столом. Руки у старичка – обрубки – рукавицы, таким родился, инвалид, кормящийся на кладбище, а по теплой погодушке и ночующий здесь.

– Сема-«Видак» – представился он.– Повидал я, значит, немало, по- бродил-покурое-сил, сынки мои, рабы божьи, по свету, и хорошего, и падали насмотрелся, сытой по горло обещаньями, а где правда, коли собственную квартиру могу только с улицы наблюдать, дернуло же меня после смерти старухи моей подать на размен, чтоб платить меньше по квартплате, дороговато платить за двухкомнатную, так вот теперь в спальном мешке по подвалам-чердакам у Московского вокзала ошиваюсь!

Не пейте, ребята, ум пропить- ума не надо большого, а вот потом похмелье, все равно что сейчас Русь наша бражки напилась, на коленках стоит, да Вы не шибко слушайте, у меня ж высшее образование, вот видите, какой ученый бывшего СЭСЭР перед Вами? А таких до едрени матери и в Питере, и по стране! Вагоны умов! А толку? Вот ты, паренек, с гитарой поешь умно, по делу, а где толк, изменения-перемены, так сказать, для улучшения жизни простого народа? Тут, братцы, подпил я не-много в прошлую ночь, богатого хоронили, да и заснул на ветках еловых на его могиле свежей. Слава Богу, мороз меня пожалел, не шибкий был, всё, кажись, цело. Так вот, лежу это я, братцы, а близкую от меня могилу -то разрывают удалыцы в кожанках, да всё молча, какой-то мешок сунули в могилку неглубоко и снова зарывают. А я-то, грешным делом, в штаны малене, жду, не шелохнусь, ну, думаю, Сима, клад привалил тебе, денег, видно, куча! Дождался, пока молодцы ноги сделали и ну рыть культяпами, как экскаватором, не смотри, что они как рукавицы, дело знают, и по бабам тоже могут, кхе-кхе, с дороги не собьются, если надо!

Мешок-то выдернул, а из него мясо, думал- коровье, а тут полголовы девчоночьи с волосиками, шабатнулся я и онемел, не знаю, куда и бежать, дёрнул с дуру початую бутылку и при-заснул недалече, вроде как сон это и всё такое... Ан нет, встрепенулся недавно от песен Ваших и вот Вам и говорю, там она полёживает, девчоночка-то, ребятишки Вы мои...

Ребята, кроме Сереги, дернули, будто метелью сдуло. Сергей с Симой сходил, посмотрел, факт, значит, ну и на проходную в ментуру звонить, так, мол и так, выезжайте.

– Н-да, только этого мне не хватало! – думал он, роясь в карманах в поисках удостоверения ФСБ.– Засветиться в самом начале операции, вся эта бардовщина к черту тогда полетит! Да ну их! Надо линять! – И Серега, оставив Симу у ошарашенного сторожа, побрел, якобы в туалет, а сам на троллейбусную остановку в сторону Финляндского вокзала, прошел одну остановку пешком, чтобы не тормознули возле кладбища.

В «Криминальном вестнике» Володя Тесперстов, друг Сергея по Есенинско-Ключевским делам, дал статейку о происшедшем, мол, маньяк очередной в граде Петра, сидите все по домам, товарищи.

Девчонку, ясное дело, никто не искал. На панихиде по невинно убиенной в толпе в свете свечи мелькнули знакомые Сергею глаза- шары маслянные и тут же испарились. Сергей обыскался по храму, хрен, никого! Показалось, что ли?

Утром лениво Сергей просматривал питерскую прессу. Ба! Это ещё что? Объявление гласило: «Услуги частного морга, расценки удобные». Каково? А? Кто ж такую лицензию выдал? Приехала Русь- матушка! И даже предложение о кремации, час от часу не легче!

Бизнес на всем! Всё на продажу! Жизнь, смерть- всё на весах рынка! И где это всё? В Песочном под Питером, хоть не в глиняном! В песочке, значит, раскудри твою! Надо прощупать этих молодцов! Концертик закатить домашний, что ли? Таганку с поручиком Галициным впридачу! Непростая же публика всё это затеяла!

Сергей выяснил, будут ли они ещё объявления давать и дал в следующем номере газеты своё о домашних концертах, мол, пою под заказ и так далее, всем звонившим отказывал, ссылаясь, что много работы, ждал звонка от морговщиков с крематорщиками, так как объявления стояли во всех номерах газет рядом.

Звякнули через пару недель, заскучала пехота, видно.

– Ты, чтоль, тринкаешь концерты? – пьяный грубый голос спросил Серегу.– Ну чё, бери бандуру свою и дуй к нам с Финляндского аль с Уделки, нам всё равно, скучно нам, девочки живой музыки хотят, ты как, на сто зелени в ночь готов или целку из себя будешь строить? Ну, лады, вперёд и с песнями, тебя встренут в двадцать часов в Песочном на платформе. Мы в чём? Тебя с гитарой узнаем, твое дело мыкать своё! До встречи, родной!

Сергей принял фээсбешного антиалкоголина, сливочного масла на грудь грамм сто и отправился на поиски приключений на свою голову, не позвонив о том, что поехал, начальству, эх, самоуверенность!!!

Тут не то, что Замка, свою головку убересть надо! Опыт уже был, спасали занятия в школе Джет Кун До за границей, а то бы давно уже – хана! Начальству на Литейном уже не верилось в Серегину затею с гитарой, да знали, парень с мозгами, не должен дать маху, да и попало ему, не дай Бог!

Московское ФСБ и Питерское устроило негласное соревнование: «Кто быстрее Замка вычислит? Ага, еще Олимпиаду по розыску преступников объявить? Кто больше киллеров поймает? Налетай, подешевело!

Талькова грохнули в драке, никто ничего не знает! Браво! Русь добивают при всех- никто ничего не видит, пей, народ и подтирай памперсами одно место!

Песочное. На платформе бритый мужичок в кожанке встретил Серегу и молча повел к «Джипу».

Мужичок представился Репой, стронул тачку, поехали в сторону Сертолово к Безымянному ручью, тут и кладбище, и дорожка в лес, по нему минут двадцать били уже порядком добитую дорогу, тут из живого все кишки выпадут, не то, что у жмурика.

Вот показалась и «Келья» благодетелей, н-да, дворец, да и только, забор метра на четыре, ворота автоматические, это Репа нажал на что-то над головой около плафона авто.

Въехали, навстречу накаченные «быки», овчарки, всё честь по чести, музон и так далее, но что-то трубы не видать для сжигания трупов.

– Не бойсь, Серый, вылазь, работенки тебе до утра с гаком, ха-ха, девочки встречают.

На крыльце дворца стояла голая леди в одних туфлях и смачно курила.

– Мадам! Музыка подана! – слезбил Репа, поднимая капот «джипа», дернул незаметно провод.– Центральный! – сообразил Сергей.

На снегу валялись бутылки из-под пива, водяры, коньяка. Для

полной картины не хватает бомжей с Лиговки, они бы быстро навели порядок.

– Ух ты, какой хорошенький! – вскричала мадам, спустилась, покачиваясь с крыльца и кинулась Сереге на шею. – Сегодня ты мой котик, занеси свою кису в норку, я замерзаю, милый, кхе-кхе!

Выбора не было. Сергей передал гитару Репе и понес барышню в «келью», напевая ей на ушко «Таганку».

Таким эскортом вся святая троица ввалилась в гостиную. Ни фиги себе! Все голые, на диванах, на коврах, за столом, на постелях, которых было до чертиков!

– Репа! Ты- гений! Давай его сюда! – закричал из дальнего угла у камина толстячок. – Я его в переходе еще вычислил на Невском, он самый и есть! Как тебя, парень? Серега? Ну, давай, Серый, располагайся, да брось ты эту дуру, не стесняйся, тут понимаешь, у нас юбилей, мужики из Турции, из делегации, так что они по- русски ни бельмеса, ни-ни!

А часики -то твои храню, играют действительно когда хотят, ну что ж, подарки не обсуждают!

Сергей, придя в себя, запел после ста граммов песню свою про проституток на Невском проспекте:

На Невском прохладно,
гуляют всю проститутки,
гуляют себе, ну и ладно,
гуляют которые сутки.
Какие здесь пошлые шутки,
о, как они все похожи,
гуляю двадцатые сутки,
иду в двадцать первое ложе.
Так будет недолго, я знаю,
посмотрит и старость в окошко,
но все ж похожу я по маю,
стихи собирая в лукошко.
Отдам их своим проституткам
за слово, за ласку, за кожу,
гуляю по пасмурным суткам,
меняю каждый день рожу.
На Невском прохладно, отрадно,
а раньше летали здесь утки.
летали себе, ну и ладно,
теперь здесь мои проститутки

– Bravo, бис! – кричали крематорщики и девочки во главе с прочухавшейся мадам Си, как она себя представила.

Пока Серега закусывал после второй рюмашки, Си под села к нему, как говорится, не на пионерском расстоянии, обдав его дорогими духами, жаром пышных грудей, накаченных силиконом, полезла к нему в брюки, бесстыдно-дьявольски дергая замок на них.

– Т-ты- ты чего это? – дернулся Сергей. – Погоди, я же только пришел!

– Тут все только что пришли! Весь мир только что пришёл, хи-хи-хи! Смотри, другие уже приехали, смотри, как Нюрка рабтает, класс, хочешь так же, а? Я здесь лучшая девка на весь гарем папы!

– Г-г-гарем? – Серега впал в прострацию. – И чего Вы, здесь и живете?

– Да, милоч, живём и пашем на кухне, пирожки делаем, ф... там разный и ещё...

– Эй, малява! – крикнул толстяк.– Ты там не сильно кудахтай! – Ночь впереди ещё, выпить молодцу принеси нашего, кроваво-бургундского, домашнего!

Пригляделся Сергей к «туркам», какие там турки, они все русские рожи, колхоз настоящий. Только странно, не говорят ни слова вообще.

Только: «А-а-а! О-о-о!»», когда девки переусердствуют.

Толстяк заметил внимательный Серегин взгляд.

– А ты не промах, кореш! – сказал он, наливая Сереге из принесённой Си бутылки.– Немые они, братан, помогаю я им через фонд инвалидов, кормлю вот, обуваю, жалко сиротинушек, ну и работают у меня немного, ты, братан, напиши песню про долю их, заплачу, братан, нету силушки спокойно на них смотреть.– Толстяк выпучил на Серегу глаза– ну масляные валенки и только, и жуткий огонек мелькнул в них на мгновение, но этого мига Сергею было достаточно– чудовище перед ним, что-то здесь не того, ей Богу, не того!

Закусывая шашлыком, Сергей впервые в жизни ощутил во рту что-то приторное, не похожее на шашлыки рынков Питера, но добросовестно ел и пил, хмелея и хмелея, видно, антиалкоголин был просроченный, в глазах мутнело, а Си напоминает любимую Елену, где ты сейчас, в розыски подала наверно, пока не звякнул из Питера, чтобы сказать два

слова: «Жив. Люблю».

– Грёбанные спецзадания! – думал про себя затуманенный Сергей.

– Надо срочно блевануть куда-нибудь!

– Э,э, Си, дорогая, где у Вас здесь. ну куда цари пешком ходят?

– Пойдём.– позвала Си.

Долго шли по каким-то лабиринтам, по бокам ковровых дорожек стояли статуэтки, изображающие эротические сцены. Сергей зацепил рукавом штору на стене, непонятно, на стене и штора, из-за неё на миг показалась блестящая дорогая ручка от металлической двери и совковые кодовые замки, сразу три на дверь.

Зашли в туалет вместе. Си ждала, пока Сергей блевал, сунув пальцы в рот, стала приставать, не давая Сергею разогнуться.

– Ну, Си, потом, видишь, от меня несёт, надо клыки почистить!

– Сергунь, ну ты как не свой! Я вся твоя, а ты, тоже мне, целочку выкомыриваешь из себя!

Возвращались медленней, Сергей тормознул Си около шторы, прижал Си к стене, прикинувшись пылким влюблённым, косо изучая глазами приоткрытые рукой замки, их-то открыть не проблема, так как поверхности кнопок не отшлифованы, как в порядочных хитрых питерских труппах.

Удача! В заднем кармане уже одетой Си джинсовой юбки ключик, может это от внутреннего замка? Ключ отработанным движением переключился к Сергею.

Напротив двери за углом оказалась и спальня Си. Всё пока слава

Богу!

Толстяк встретил их прищуренными глазами. А ещё недавно при Сергее пил, нюхал всякую гадость, видно, пыль пускает.

– Ты как, здоров, ну, давай ещё по одной за удачу! – предложил толстячок-боровичок.

– Давай, я на халяву не против! – пытался отшутиться Сереге, чувствуя на себе наползающий танком неприятный взгляд «папы».

Поддали ещё кровавого домашнего. Что-то и вино, как и не вино, с привкусом, что блевать опять беги, но градусы есть.

Так до середины ночи длилась вся эта оргия. Сергей пел, немые трахали девок. Играли в паравозик, в бутылочку, толстячок обливал всех шампанским.

– Жизни, больше жизни! – кричал довольный папа.– Ту, ту! Вот, Серый, какая власть у меня, маленький я, а кручу кем и чем хочу! Пойдёшь ко мне в придворные певцы? Не обижу! Вижу– парень что надо, хитрый, умный, сильный, с талантом, а насчёт баб у тебя так же, как

и пишешь? Ой, врешь, перетрахал, небось, пол-Питера, а? Ну ладно, привыкай, поживи пару деньков, работёнку какую мне подсобишь, коли не торопишься в переход петь, на презентации поездишь, одену, как человека, с ба-бочкой ходить будешь, во фраке, фон бароном, все бабы Питера твои, хочешь «джип», Репу выгоню, тупой он, скучный, держу его за кулаки его, мастер-международник по кикбоксингу, а так на хрен нужен!

Сергея молчал, «глубокомысленно» обдумывая предложение, притворяясь пьяным, кивал головой, ох, не докиваться бы ею совсем! Темнит что-то папик, чувствую.

Прошло ещё пару часов, уже рассвет начал дырявить слабые шторы на окнах, все устали от дыма, от наркоты, паравозиков, игры в девятку, один только Серый держался, развалившись в кресле, хотелось спать, но такое кино раз в жизни, не знал Сергей, что настоящее кино ещё впереди, а он в нём в главной роли.

Си потянула его к себе в спальню, Сергей, чтоб не заниматься с ней любовью, предложил перед сексом дернуть по рюмашке, незаметно добавив в вино клофелина. Си, пытаясь изобразить из себя ещё не использованный шлак, потихоньку засопела с теплым, надрывистым храпом.

Ну, что, за дело! Приоткрыл дверь в коридор, прислушался, вроде тихо. Подкрался к Бармалеевой двери, отдернул штору, вставил ключ, так и есть, ключ тот, коды уже не проблема! Открываясь, дверь предала Сергея железным визгом, автоматом включился свет в проём, ведущий глубоко вниз, лестница шла узлом в какую-то настоящую сказку. Прикрыл дверь за собой, спускался минут десять, показался коридор длиннющий из бетона, широкий и высокий, хоть на лошади скачи! А лампо-чек кругом старинных, плафоны довоенные, кнопок всяких вокруг, массивные двери сейфового типа с секретам. Одна из них была чуть-чуть приоткрыта. Сергей прокрался в огромный зал. Стоял жуткий запах трупов, вдоль стен металлические шкафы с выдвижными огромными ящиками. Всё покрыто изморозью, замерзшей кровью. Холодильник! – догадался Сергей. Дёрнул за ручку, вытащил ящик немного, в нём были од-ни только ноги, много ног, начавшие смерзаться, свежие! – ужас объял Сергея. В этот момент в руку, державшую ручку ящика, ударило сильнейшим разрядом электричества.

Толстяк по-звериному знал своё дело, всё сёк по монитору из своей спальни, увидев, что Сергей завалился на пол, убрал руку с реостата и завалился спать.

...Красное озеро, кровавые волны, солнце лучами из крови ласкает берег Онего, поджигая красный песок, жарко, душно, я задыхаюсь, Ленушка, ты где, любимая, желанная моя, где ты? Помоги, я тону, красные акулы рвут моё тело на куски, вот одной из них я успел надавить на глаза пальцами и она отпустила мою голову, Лена, скорей же, я лечу в красную пропасть, внизу прыгающие волны скалят клыки, кругом волки из волн, Лена, дай же руку, любимая!

Сергей бредил в камере, на руках и ногах были наручники и кандалы с цепями, температура то был мороз, то сразу жара- это было изобретение толстяка. Списанные холодильники с хладокомбинатов переделал на конвейер смертохранилищ плюс мощный подогреватель пола, для очень притких есть и газ, работнички по строительству сего ноу-хау были первыми клиентами своего благодетеля.

Постепенно Сергей приходил в себя. Вляпался, экспериментатор грёбаный! Самодетельность в делах была вживлённой в мозг до конца жизни, ничего, пронесило раньше, всяко бывало. Что ж теперь, тут похоже на какую-то колонию в Африке, кандалы, цепи, первобытность и всё тут!

– Эй, бард, живой? – раздался откуда-то голос.– Как здоровышко, раб Божий Сергей, молись, братан, что я тебя током не угробил сразу, повезло тебе, скользнула рука по реостату, а то бы десять тысяч вольтиков в друзьях твоих бы были и косточек никто бы не увидел, пепелочек один, вот и вся твоя гитара! Вот что, фраерок переходный, теперь ты очередной раб мой, пахать будешь на меня, шаг влево, шаг вправо, прыжок на месте- расстрел, так у твоего

земляческого конвоя, га? А у меня – сгоришь при исполнении служебных обязанностей, ха-ха-ха!

Серегу передернуло до тошноты. Раб? И всё это не сон? Ё-маё! – как пел Тальков.

Дверь в камеру распахнулась. Репа самодовольно пыхнул сигарой в лицо, вошли с ним пара» турок», подняли пинками Сергея и повели на арбайтен- так напевал в спину Репа.

Подземный цех. Бетонный пол, груды гробов, в центре какая-то адская машина. Всё гудело, ворчало, стонало. Сергей не верил глазам, немые клали на ленточный транспортёр тр..., которые поднимались высоко вверх и падали в мясорубку, иного названия у неё не было, в машине всё трещало, лопалось, хрустело, спереди машины были краны для к..., а через большой кран выходил самый настоящий ф...А вокруг полная гигиена, по углам зала стоят лимонные деревья, между ними видик с идущей по нему порнухой.

Работнички все были в кандалах. Пахло спиртным, кое-где валялись шприцы.

Сергея заставили грузить и подвозить трупы, замороженные, они таяли на глазах, оживали их лица, некоторые были с открытыми глазами, оттаяв немного, они немного шевелились, отчего у Сергея с непривычки волосы вставали дыбом, зеркала нет, наверно, седины прибавил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.